

КОРОБОВА Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук, руководитель центра, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, korobova@iccaras.ru

10.56700/2071-5366.2025.93.88.009

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье исследуется история восприятия русской литературы в Китае, которая насчитывает немногим более ста лет.

Интерес к русской литературе в начале XX века во многом был обусловлен политическими причинами. Немалую роль в популяризации русской литературы сыграли люди, так или иначе связанные с Коммунистической партией Китая или учившиеся в Советском Союзе. Однако интерес к конкретным писателям и поэтам или отдельным произведениям нередко был инспирирован значимыми в китайском обществе личностями и во многом определялся их личными предпочтениями, убеждениями и эстетическими установками.

Отмечены характерные черты распространения русской литературы в Китае. Уже к началу 1950-х годов сформировалась устойчивая группа русских писателей и поэтов, особенно популярных в Китае. В неё вошли Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Тургенев, Л. Толстой, Достоевский, Гоголь, Чехов, Горький, Шолохов и роман «Как закалялась сталь»

Н. Островского. Несмотря на все политические перипетии, устойчивость этого «пула» оказалась незыблемой, не претерпела существенных изменений.

С начала XXI века восприятие русской литературы в Китае концентрируется прежде всего в литературоведческой среде. Несмотря на утрату русской литературой лидирующей позиции в мире переводной литературы Китая и в XXI в. перестала быть образцом для подражания, узнаваемость произведений отечественных авторов способствует стабильной заинтересованности книгоиздателей в их переиздании.

Ключевые слова: Русская литература в Китае, Чехов, Горький, Шолохов.

История русской литературы в Китае насчитывает чуть более ста лет. Проникновение русской литературы в Китай, резкое увеличение переводов и критических статей неразрывно связаны с внутривнутриполитической ситуацией в Китае и внутренними потребностями в трансформации национальной литературы. В условиях кризиса, охватившего китайское общество со второй половины XIX в., старая литература, созданная на старом письменном языке *вэньянь*, не могла отвечать потребностям духовного объединения нации. С 1917 г. на страницах китайской периодической печати развернулись дискуссии о литературной реформе, об идейной направленности и языке литературы, в ходе которых большинство передовых представителей китайской интеллигенции высказалось за переход на понятный разговорный язык *байхуа*. Ещё острее эта тема зазвучала в ходе движения «4 мая 1919 года».

В ходе «литературной революции» произошёл не только переход китайской литературы со старого письменного языка *вэньянь* на современный язык *байхуа* – произошёл резкий разрыв литературы с традиционными жанрами и приёмами, стремительный рост культурных контактов между китайской и западной цивилизацией, появление большого количества переводов, подражаний и заимствований у зарубежных авторов. В последнее десятилетие XIX в. и в первое десятилетие XX в. с большим отрывом лидировала английская литература (81 название), затем шли французская (38 названий) и русская (28) [Шнейдер 1977: 19–20].

Однако с начала 1920-х годов воздействие русской и советской литературы на новую литературу Китая стремительно растёт, и уже в 1920–1930-е годы играет самостоятельную и наиболее важную роль в области китайско-иностранных литературных связей.

Парадоксальным образом, однако, проблема взаимовлияния русской и китайской литератур сводится обыкновенно к изучению переводов с русского на китайский и наоборот, а также к истории изучения творческого наследия какого-либо автора и его оценке китайской критикой – что, безусловно, делать необходимо, но недостаточно. При внимательном рассмотрении оказывается, что рецепции в целом русской литературы в Китае посвящено совсем немного работ, и совсем мало их применительно к XXI веку. Фундаментальное исследование переводов русской и советской классики, её оценки и творческого восприятия в Китае было опубликовано в 1977 году М.Е. Шнейдером [Шнейдер 1977], однако с тех пор прошло почти полвека.

Исторический экскурс

Первые переводы русской литературы стали появляться в Китае с начала XX века, но довольно долгое время они выполнялись с языков-посредников (японского, английского и немецкого). Принято считать, что первыми опубликованными переводами русской литературы стали три басни Крылова («Шука», «Собачья дружба», «Лисица и сурок»), изданные в переводе с английского в Шанхае в 1900 году [Шнейдер 1977, 18–19]. В 1903 году появился сокращённый перевод с японского повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», вышедший под названием «Русская романтическая история» с подзаголовком «Сон бабочки среди цветов» [Шнейдер 1977: 51]. В 1907 году У Тао 吴棹 (также в переводе с японского) опубликовал первый перевод Чехова – рассказа «Чёрный монах». Примечательно, что он был сделан на *байхуа*, однако последующие переводы вплоть до 1918 г. выполнялись на *вэньяне* [Серебряков 2005: 6]. В том же году У Тао издал перевод повести Лермонтова «Бэла» («Герой нашего времени») под названием «Памятник с серебряными пуговицами» и рассказа М. Горького «Каин и Артем». В Гонконге в 1907 г. вышла книга «Религиозные рассказы», состоявшая из двенадцати рассказов Л. Толстого в переводе с немецкого миссионера И. Генера (Immanuel Gottlieb Genaehr, китайское имя – Е Даошэн 叶道胜) [Шнейдер 1977: 19].

Дело в том, что в первое десятилетие XX века Л. Толстого воспринимали в Китае как проповедника, гениального писателя в нём разглядели позже, в 1910-е: в 1911 г. появляется перевод повести «Крейцерова соната», в 1917 г. – «Севастопольские рассказы», в сокращённом переводе печатаются романы «Воскресение» (1914) и «Анна Каренина» (1917).

«Такие характерные черты русской литературы, как уникальное идеологическое просвещение, критика несправедливости в обществе и поиски прекрасного будущего, привели к тому, что русская литература получила широкое распространение как духовное оружие той эпохи», – отмечали китайские исследователи [Цао Чжундэ 2014:153].

Важную роль в этом процессе сыграл классик китайской литературы XX века, основоположник современной китайской литературы Лу Синь 鲁迅 (настоящее имя Чжоу Шужэнь 周树人, 1881–1936). В своей статье «Сила сатанинской поэзии» (摩罗诗力说, 1907) Лу Синь впервые представил китайским читателям Пушкина, Лермонтова и классиков европейской литературы. В 1909 г. совместно с братом Чжоу Цзожэнем 周作人 (1885–1967) они выпустили в Токио, где они оба учились, двухтомник переводов западноевропейских и русских писателей «Рассказы издалека» (域外小说集), куда вошли переводы А. Чехова, Л. Андреева, В. Гаршина, С. Степняка-Кравчинского и Ф. Сологуба, сопровождавшиеся краткими справками об авторах [Шнейдер 1977: 17; Серебряков 2005: 6]. Почти половина произведений принадлежала русским писателям, хотя переводы были выполнены с немецкого и японского. В числе других были чеховские рассказы «В усадьбе» и «В ссылке» [Серебряков 2005: 6]. Коммерческого успеха издание не имело, но впоследствии было переиздано в Шанхае в 1921 г.; в 2006 г. в Пекине было выполнено репринтное издание⁴³. Все переводы в сборнике, как и большинство других переводов, сделанных до 1920-х годов, были выполнены на *вэньяне*, и впоследствии заново переведены на *байхуа*. Таким образом, с первых десятилетий появления переводов русской литературы в Китае возникло явление переводной множественности – переводы с языков-посредников на *вэньянь* и *байхуа* и появившиеся позже переводы с русского. Явление это, как будет показано далее, сохранилось до наших дней (хотя и по иным причинам).

Традиционно датой возникновения «новой литературы» Китая называют май 1918 г., когда в журнале «Новая молодёжь» был опубликован рассказ Лу Синя «Записки сумасшедшего» (狂人日记), название которого он позаимствовал у повести Н.В. Гоголя, вышедшей в 1836 г. В.Ф. Сорокин отмечал, что с Гоголем рассказ Лу Синя объединяет не только название: герой рассказа генетически связан с повестью Гоголя «Шинель» [Сорокин 2008: 152]. У Гоголя Лу Синем «заимствованы форма повествования (дневник) и приём критики общественного зла (восприятие окружающего мира глазами душевнобольного)» [Петров 1960б: 151]. Это был

⁴³ <https://book.douban.com/subject/1491519/>

первый образец прозы на *байхуа*, ставший рубежом в развитии китайской литературы не только с точки зрения формы: лейтмотивом рассказа является утверждение о том, что современное автору китайское общество основано на людоедстве. Главный герой «действительно болен, но болезнь позволяет ему в озарении постичь высшую истину: окружающее его общество построено на людоедстве, на лжи и человеконенавистничестве. За привычным покровом фраз о справедливости, морали и добродетели скрывается мир, в котором сильный поедает слабого, толпа пожирает отбившегося одиночку» [Сорокин 2008: 152–153].

Летом 1934 г. по инициативе Лу Синя был основан журнал «Переводная литература» (译文), знакомивший читателя с лучшими произведениями зарубежных авторов, в том числе сказками М. Горького и Салтыкова-Щедрина – тема отражения в сказках черт национального характера вызывала у Лу Синя особенный интерес. Вышло также четыре спецвыпуска журнала, один из которых был посвящён Горькому, и два – Пушкину (в связи со столетием со дня смерти). Популяризацию русской литературы Лу Синь продолжал до конца жизни, переводил (с японского и немецкого) произведения Гоголя, Чехова, Фадеева и др. авторов. В 1932 г. в статье «Приветствую литературные связи России и Китая» Лу Синь писал: «Русская литература раскрыла перед нами прекрасную душу угнетённого, его страдания, его борьбу...Мы поняли самое важное, что в мире присутствуют два класса – угнетатели и угнетённые!...Тогда это явилось величайшим открытием, равным открытию огня, когда...мрак ночи осветился ярким пламенем» [Лу Синь. Собрание сочинений в 4-х тт. Т.2. М., 1955, цит. по: Шнейдер 1977: 21]. Переводы русской и советской литературы составляют более 1/4 общего объёма литературного наследия Лу Синя. Последние полтора года своей жизни он работал над переводом «Мертвых душ» Гоголя. Перевод первого тома (с немецкого, но с использованием также японского) был опубликован в 1935 г., в феврале 1936 г. Лу Синь приступил к переводу сохранившихся глав второго тома, но смерть помешала ему довести работу до конца [Рифтин 2011: 224]. Вплоть до 1983 г., когда был опубликован перевод «Мертвых душ» с русского, выполненный Мань Тао 满涛 и Сюй Циндао 许庆道, то есть в течение почти пятидесяти лет, китайцы знакомились с «Мёртвыми душами» по переводу Лу Синя [Рифтин 2011: 224]. В настоящее время известно по меньшей мере семнадцать переводов «Мертвых душ» на китайский язык, но первый перевод, выполненный самым известным в те годы китайским писателем, был заметным вкладом в распространение русской литературы в Китае [Рифтин 2011: 224].

Аналогичным образом произошло с прозой Тургенева – переводы, выполненные горячим поклонником русского писателя Ба Цзинем, на долгие годы были признаны лучшими, несмотря на то что выполнялись с языка-посредника. Один из самых известных китайских писателей XX века Ба Цзинь 巴金 (1904–2005) увлекался в юности анархизмом, переводил труды Кропоткина, «Былое и думы» Герцена, прозу Гаршина,

но Тургенев имел для него особое значение. Ба Цзинь перевёл два романа Тургенева «Отцы и дети» и «Новь», две повести и 52 стихотворения в прозе [Гао Ман 2000]. Описывая встречу трёх братьев семьи Гао накануне Нового года в самом знаменитом своём романе «Семья» (1931), Ба Цзинь пишет, что один из братьев листает купленную книгу Тургенева «Накануне» и шепчет встречающиеся в ней слова «любовь», «счастье», «молодость». Перевод с английского романа «Отцы и дети» Ба Цзинь выполнил в 1943 г., «Новь» — в 1944-м, и впоследствии многократно переподлевал переводы. Влияние Тургенева чувствуется в рассказах Ба Цзиня «Первая любовь», «Мщение», «Несчастный», а также его эссеистике 1930-х годов. Говоря о влиянии русских писателей на творчество Ба Цзиня, следует назвать также Л. Толстого, М. Горького, Ф. Достоевского, А. Чехова [Гао Ман 2000: 162–155].

В 1920-е годы появляются переводы с русского. В 1920 г. в Пекине опубликован «Сборник рассказов известных русских писателей» (俄罗斯名家短篇小说家集), куда, помимо рассказов, вошли две повести Пушкина — «Станционный смотритель» и «Метель» [Шнейдер 1977: 53] (отметим, что с прозой Пушкина китайский читатель познакомился раньше, чем с поэзией).

Произведения русской литературы издавались не только отдельными сборниками. Переводы, нередко сопровождавшиеся биографическими справками, печатались в приложениях к газетам и на страницах многочисленных журналов — таких, как «Новая молодёжь» (新青年), «Новый Китай» (新中国), «Сяошо юэбао» (小说月报) и др. Последнему принадлежит пальма первенства в популяризации творчества Чехова — только за 1920-й год в разных номерах «Сяошо юэбао» были опубликованы следующие произведения Чехова: «Мечь», «То была она», «Шуточка», «Клевета», «Дорогие уроки». С 1921 по 1926 гг. в журнале были опубликованы 19 рассказов Чехова [Шнейдер 1977: 100–101]. С марта 1918-го по декабрь 1920 г. в журналах были опубликованы и двенадцать произведений Л. Толстого, включая «Кавказский пленник» [Шнейдер 1977: 31].

В 1921 г. вышли в свет несколько выпусков переводов под названием «Собрание русских пьес» (俄国戏曲集), куда вошли «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Гроза» А.Н. Островского, «Месяц в деревне» И.С. Тургенева, «Власть тьмы», «Плоды просвещения» Л.Н. Толстого, «Чайка», «Иванов», «Дядя Ваня», «Вишнёвый сад» А.П. Чехова⁴⁴.

А.П. Чехов, первоначально известный китайским читателям как прозаик, в качестве драматурга предстал в 1916 г. в статье Сун Чуньфана 宋春舫

⁴⁴ Кроме чеховской «Чайки», перевод которой был сделан с английского, остальные пьесы переведены с русского Хэ Циминем 贺启明, Гэн Цзичжи 耿济之 и Шэнь Ином 沈颖. По какой-то причине в сборник вошла и одноактная пьеса чешского драматурга и поэта Франи Шрамека (1877–1952) «Июнь» (1905). —URL::【鲁迅文集·杂文集·南腔北调集】祝中俄文字之交

«Новая драматургия мира» (世界新剧谭)⁴⁵. В октябре 1918 г. Сун Чуньфан опубликовал «Каталог ста известных пьес мира» (近世名戏百种目), в котором дал сведения о 58 пьесах драматургов разных стран, в том числе о пьесах «Чайка», «Дядя Ваня», «Иванов» и «Три сестры» [Серебряков 2005: 19].

В начале 20-х годов Цао Цзинхуа 曹靖华 (1897–1987) перевёл чеховскую «шутку в одном действии» «Юбилей», пьесы «Предложение» и «Медведь» (последнюю — под редакцией Цюй Цюбо) [Серебряков 2005: 19]. В 1925 г. в Шанхае Цао Цзинхуа издаёт перевод чеховской пьесы «Три сестры», впоследствии многократно переиздававшийся; к этому изданию он подготовил статью «Биография Чехова» [Серебряков 2005: 20].

Чеховская драматургия, как отмечал Е.А. Серебряков, явилась открытием для китайской общественности. Чеховское восприятие окружающей действительности было созвучно мироощущению многих передовых представителей китайской интеллигенции — об этом упоминали Цао Цзинхуа, Лу Синь, Ба Цзинь и многие другие писатели и переводчики. [Серебряков 2005: 23–24: 35–36]. Известнейший китайский драматург XX века Цао Юй 曹禺 (настоящее имя Вань Цзябао 万家宝, 1910–1996) в 1936 г. писал о «Трёх сестрах»: «В этой великой пьесе нет устрашающих эпизодов, действуют в ней живые люди, у которых есть душа... Пьеса так завладела мною, что почти перехватило дыхание... Я хочу снова выразить восхищение нашим великим учителем» [Цит. по: Петров 1960а: 318]. Созданная позднее трагикомедия Цао Юя «Пекинцы» (北京人, 1940), которую можно назвать творческим восприятием чеховской драматургии, тематически перекликается с «Вишнёвым садом» А.П. Чехова: «сходство прослеживается в раскрытии идеи, показе общественной среды, использовании художественных средств и т.д. [Никольская 2006: 497].

Первая постановка пьесы Чехова («Дядя Ваня») состоялась в Шанхае в 1930 г., и с тех пор китайский театр невозможно представить без чеховских пьес. На этой постановке побывал тогда ещё совсем юный Ша Тин 沙汀 (1904–1992), впоследствии получивший известность своей прозой с колоритными описаниями родной провинции Сычуань. Он вспоминал позднее, что потрясение от чеховской пьесы побудило его самого взяться за перо⁴⁶ и признавался, что не помнит, «сколько раз перечитывал “Ваньку” и “Тоску” Чехова»⁴⁷. Глубоко самобытный творческий стиль Ша Тина испытал, тем не менее, сильное влияние Чехова. Оно ощущается в художественном стиле, эстетических взглядах, структуре произведений, лаконичности, юморе, неожиданных развязках — в качестве примера можно

⁴⁵ По другим данным, рукопись статьи 1916 г. была опубликована в 1919 г.

⁴⁶ 吴福辉。沙汀传。北京十月文艺出版社，1990。У Фухуэй。Биография Ша Тина. Пекин, 1990. С. 103, цит. по: [Ли Ляньшу 2005: 58].

⁴⁷ 沙汀研究资料（黄曼君、马光裕编）1986，社科。Ша Тин. Материалы для исследования. / Ред. Хуан Маньцзюнь; Ма Гуаньюй. Пекин, 1986: 66. Цит. по: [Ли Ляньшу 2005: 58].

привести его рассказы «Заместитель начальника уезда» (代理县长), «Развлечение заведующего комитетом круговой поруки» (联保主任的逍遥) и др. (подробнее о влиянии Чехова на Ша Тина см.: [Ли Лянь-шу 2005: 57–59]).

Переводы чеховской прозы печатались в 1930-х–1940-х, несмотря на сложную внутривосточную ситуацию в Китае; в 1947 и 1948 годах изданы две монографии Сяо Сая (первая книга посвящена краткому анализу творчества Чехова вообще, вторая – драматургии Чехова) [Серебряков 2005: 25]. Почти сразу после образования КНР (в конце 1949 г.) рассказы Чехова «Человек в футляре» и «Ванька» вошли в школьную программу средней школы [Серебряков 2005: 40]. За последующие десятилетия было опубликовано огромное количество книг, очерков, рецензий, свидетельствующих о непреходящем интересе к русской классике.

Интерес к русской литературе в начале XX века, как уже говорилось выше, во многом был обусловлен политическими причинами. Немалую роль в популяризации русской литературы сыграли люди, так или иначе связанные с Коммунистической партией Китая или учившиеся в Советском Союзе: Цюй Цюбо, Цзян Гуанцы, Мао Дунь и др.

Так, критик, поэт и переводчик, один из основателей КПК Цюй Цюбо 瞿秋白 (1899–1935), в 1921 г. посетил в Москве В. Маяковского и представил его творчество китайским читателям. Цюй Цюбо, наряду с Гэн Цзичжи, был первым переводчиком Н. Гоголя на китайский; его перу принадлежат также переводы произведений А. Пушкина, Л. Толстого, А. Горького, А. Серафимовича, Д. Бедного. К нему обращались за консультациями многие другие исследователи, писатели и переводчики, в том числе Лу Синь [Серебряков 2005: 15].

Пропагандировал советскую литературу в Китае в 1920-е годы и глава шанхайского литературного общества «Солнце» (太阳社, 1928–1930) поэт, прозаик и критик Цзян Гуанцы 蒋光慈 (1901–1931). Вернувшись в 1924 г. из СССР после нескольких лет учёбы, в 1927 г. он опубликовал в журнале «Творчество» (创造月刊) очерк «Октябрьская революция и русская литература» с разделами, посвящёнными А. Блоку, И. Эренбургу, Д. Бедному, С. Есенину, А. Серафимовичу, В. Маяковскому, который затем был издан отдельной брошюрой под названием «Русская литература».

Большой вклад в популяризацию советской и русской литературы внёс переводчик Цао Цзинхуа 曹靖华 (1897–1987), который учился в Москве в 1921–1922 гг. и вёл преподавательскую деятельность в Ленинграде в 1927–1933 гг. В 1928 г. в СССР Цао Цзинхуа публикует перевод очерка М. Горького «9-е января», в 1929-м в Шанхае был издан его перевод рассказа Б. Лавренёва «Сорок первый», неоднократно затем переиздававшийся в Китае [Ипатова 2017: 151]. По рекомендации Лу Синя, с которым Цао Цзинхуа был дружен, он перевёл «Железный поток» А. Серафимовича – произведения, сыгравшего огромную роль в идейном воспитании китайских революционеров [Ипатова 2017: 151]. Впоследствии он переводил произведения К. Симонова, В. Катаева, М. Шолохова и других авторов. В 1950-е годы Цао Цзинхуа занимал пост заместителя главного

редактора издательства «Народная литература» (人民文学出版社) и отвечал за организацию работы по переводу и изданию русской и советской литературы (подробнее о Цао Цзинхуа см. [Серебряков 1999]).

Один из творцов «литературной революции» в Китае Мао Дунь 茅盾 (настоящее имя Шэнь Яньбин 沈雁冰, 1896–1981), имя которого сегодня носит самая престижная в Китае литературная премия, также известен как публицист, критик и переводчик западноевропейской и русской литературы. В 1919–1923 гг. печатались его переводы с английского рассказов А. Чехова («Дома», «Ванька», «Клевета» и др.), пьесы Л. Толстого «Живой труп» [Шнейдер 1977: 100]. В 1940-е годы он переводил (также с английского) М. Горького, В. Катаева («Сын полка»), В. Гроссмана («Народ бессмертен») и др. В ходе своего визита в СССР (1946–1947) он познакомился с С. Маршаком, К. Симоновым, А. Фадеевым и другими советскими писателями.

Стоит, однако, отметить любопытную особенность: интерес к *конкретным* писателям и поэтам или отдельным произведениям нередко был инспирирован значимыми в китайском обществе личностями и во многом определялся их личными предпочтениями, убеждениями и эстетическими установками. Далеко не всегда выбранные для перевода или критики русские писатели или поэты были прокоммунистически настроенными (достаточно вспомнить увлеченность Лу Синя прозой Л. Андреева, который не принял Октябрьскую революцию).

В 1920-х–1940-х годах в Китае интенсивно переводились произведения М. Горького: в 1923–1925 гг. Цюй Цюбо переводит три сказки из цикла «Сказки об Италии», которые были первыми произведениями Горького, переведенными непосредственно с русского [Шнейдер 1977: 190], в 1930 г. вышел перевод романа «Мать» — он выполнен с японского Ся Янем, но сверен с оригиналом Цзян Гуанцы, хорошо знавшим русский [Шнейдер 1977: 192]. С 1931 по 1947 восемь раз под разными названиями издавалась пьеса «На дне». В 1936 г. в Шанхае вышли «Избранные произведения Горького» в шести томах, в 1949 г. в Шанхае издан семитомник «Драмы Горького» в переводе драматурга и прозаика Ли Цзянью. Горький оказал большое влияние на развитие китайской литературы. Во многом это было обусловлено позицией Лу Синя — в статье «Наше приветствие» (1933), посвященной 40-летию творческой деятельности Горького, он писал: «Мы считаем Горького своим учителем. Мы должны учиться у него, должны бороться за то, чтобы сделать культуру достоянием многомиллионных масс» [цит. по: Шнейдер 1977: 177]. Академик В.М. Алексеев отметил в своё время: «Ни один русский писатель, и вообще ни один иностранный писатель не имел в Китае успеха, равного успеху Горького»⁴⁸. Не берёмся судить, насколько такая точка зрения верна в XXI веке, но она совершенно справедлива по крайней мере применительно к китайской

⁴⁸ Алексеев В.М. Горький в Китае. — *Учёные записки Военного института иностранных языков*. Т.1, вып. 2. М., 1945. Цит. по: [Шнейдер 1977, 177]

литературе до середины 1980-х годов. «Песня о Буревестнике» Горького включена в школьные учебники, её учат наизусть несколько поколений китайцев. Даже в годы «культурной революции», когда под запрет попали практически все иностранные книги и спектакли, единственными разрешёнными для чтения произведениями иностранной литературы для школьников оставались «Буревестник» Горького и «Как закалялась сталь» Н. Островского.

Огромное влияние на становление новой поэзии Китая оказала революционная поэзия В. Маяковского, переводы которой впервые появляются в конце 1920-х и особенно в 1930-е годы. Влияние поэзии Маяковского на китайских поэтов прослеживается в использовании прямых цитат из его произведений и формы стихов «лесенкой», характерной для Маяковского [Черкасский 1988: 14–15]. Особенно ярко оно проявилось в годы Войны сопротивления Японии (1937–1945) – так, в частности, под влиянием «Окон РОСТА» В. Маяковского зародились «стихи улицы» (*цзетоу ши* 街头诗). «Стихи улицы», носившие агитационный характер, декламировались на массовых собраниях, их передавали по радио, читали участники агитбригад на фронте. Начало этому движению положила поэзия одного из наиболее самобытных поэтов новейшего времени, «барабанщика эпохи» Тянь Цзяня 田间 (1916–1985). Для стихов Тянь Цзяня характерна короткая, экспрессивная строка (нередко микрострока из одного-двух иероглифов) без рифмы, что несомненно классической китайской поэзии – в качестве примера можно привести поэму «Тем, кто сражается» (给战斗者, 1937) [В поисках звезды...: 221–227]. Тянь Цзянь высоко ценил поэзию В. Маяковского, Н. Хикмета и П. Неруды, и, по мнению российских исследователей его творчества, своим ритмом, агитационным характером, поэтической страстностью стихи Тянь Цзяня во многом напоминали стихи Маяковского [Черкасский 1976: 168–169].

Большое влияние Маяковский оказал не только на Тянь Цзяня. Самый известный китайский поэт XX века Ай Цин (1910–1996) посвятил советскому поэту стихотворение «Маяковский» (1940): «Маяковский—/Поэт, / Не сравнимый ни с кем, / Певец и глашатай всего человечества—/ Стоит/ На вершине народной мудрости, /Выковывая/ Стальное слово Революции. / Неистребим/ Его солнечный стих, / Мятёный голос двадцатого века. / Маяковский—/Поэт, / Не сравнимый ни с кем. / Мысли его / светлы, как заря, / Ритм/ Стремителен, словно вихрь, / И голос / Подобен раскатам грома. [В поисках звезды...: 219]

Хотя до начала 1960-х годов Маяковский воспринимался в Китае прежде всего как «глашатай революции», в 1950-е годы в китайской прессе также часто печатались сатирические произведения Маяковского «Столп», «Сплетник», «Подлиза», «Общее руководство для начинающих подхалимов», «Прозаседавшиеся» [Ван Цзунху 2018: 375]. В 1958 году «Народное издательство» Китая выпустило пятитомник «Избранные произведения Маяковского».

В 1958 году известный китайский драматург, автор гимна КНР Тянь Хань 田汉 (1898–1968) написал пьесу «Фантазия о Шисаньлинском водохранилище» (十三陵水库畅想曲), идея и детали которой основаны на пьесе «Клоп» Маяковского – незадолго до этого, 2 декабря 1957 года Тянь Хань смотрел постановку пьесы «Клоп» в Москве в рамках Фестиваля советских театров. Есть в тексте Тянь Ханя и прямая отсылка к Маяковскому: «Ха-ха, в пьесе Маяковского “Клоп” говорилось, что клопы через пятьдесят лет станут редкими животными. Сейчас в Китае, кроме клопов, редкими животными стали воробьи, мыши и мухи» [цит. по: Лю Чао 2024]. В комедии Маяковского «Клоп» показана советская страна через пятьдесят лет социалистического строительства, а в пьесе Тянь Ханя – реализация Китаяем плана строительства коммунизма через двадцать лет.

В начале 1930-х годов в Китае начинают издавать произведения Шолохова: в 1931–1936 годах были изданы части романа «Тихий Дон», «Донские рассказы» и «Поднятая целина» (причём последняя – сразу в двух переводах) [Се Бо 1997: 1]; в 1943-м опубликован перевод незаконченного романа «Они сражались за Родину».

Можно с уверенностью утверждать, что Шолохов повлиял на становление целого поколения китайских писателей. Бесспорно влияние «Поднятой целины» на роман Чжоу Либо (周立波, 1908–1979) «Ураган» (暴风骤雨, 1948), в котором описывается процесс земельной реформы 1946–47 гг. на северо-востоке Китая и конфискации принадлежавших помещикам земель. Работа над переводом романа М. Шолохова «Поднятая целина», который Чжоу Либо опубликовал в 1936 г., оказала огромное влияние на последующее творчество писателя. На страницах романа «Ураган» Чжоу Либо вывел целую галерею типов китайской деревни, многих из них он наделил чертами шолоховских героев – так, например, один из стариков в романе похож на шолоховского деда Щукаря. Сюжетное сходство и параллели в системе персонажей с «Поднятой целиной» М.А. Шолохова характерны не только для романа «Ураган», но и для романа «Солнце над рекой Сангань» (太阳照在桑干河上, 1948) Дин Лин (丁玲, 1904–1986).

Один из идеологов течения «прозы о малой родине» (сянту сяошо 乡土小说) в современной китайской литературе Лю Шаотан 刘绍堂 (1936–1997), отмечая влияние Шолохова на своё творчество, однажды сказал: «Произведения М.А. Шолохова позволили мне найти свой творческий путь, который даёт мне возможность максимально использовать свои достоинства и минимизировать свои недостатки. Влияние М.А. Шолохова будет осязаемо до конца моей жизни – я пишу и буду писать о своей родине, сознательно посвящая себя созданию деревенской литературы»⁴⁹.

Большими тиражами издавались произведения Шолохова и в 1950-х; при этом при анализе произведений писателя использовался классовый

⁴⁹ 孟昭毅. 比较文学通论. 天津: 南开大学出版社, 2003 [Мэн Чжаоюи. Общая теория сравнительной литературы. Тяньцзинь: Изд-во Нанькайского университета, 2003. 429 с.: 52, цит. по: [Вэнь Чэнь 2022: 69]

подход, китайских критиков интересовала, прежде всего, идейная направленность творчества Шолохова.

Разумеется, невозможно в рамках статьи представить всех переводчиков, литературоведов и критиков русской и советской литературы, однако мы не можем не упомянуть имена тех людей, кто сыграл поистине знаковую роль в распространении русской литературы в Китае.

В 1940-е годы начинает публиковать свои первые переводы один из самых известных китайских переводчиков-русистов уроженец Харбина Гао Ман 高莽 (1926–2017) – в 1943 году вышел в свет перевод стихов в прозе И. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы». Его перевод пьесы «Павел Корчагин», написанной Н. Бондаренко по роману Н. Островского «Как закалялась сталь» и постановка пьесы в 1948 году Харбинским самодеятельным театром учителей, а в 1950 году Пекинским молодёжным художественным театром имели ошеломляющий успех и во многом предопределили непреходящую популярность романа Н. Островского в Китае [Куликова 2016: 155]. Личные контакты со многими советскими писателями и китаистами-переводчиками, поездки в СССР, многолетняя работа в журнале «Мировая литература» (世界文学), где Гао Ман прошел путь от рядового сотрудника до главного редактора, дали ему возможность глубоко и всесторонне изучить русскую литературу. Он переводил стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Ахматовой, С. Есенина, Б. Пастернака, В. Маяковского, О. Мандельштама, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Ю. Друниной, В. Высоцкого и многих других поэтов и писателей. Перу Гао Мана принадлежат также ряд монографий о русской литературе⁵⁰. Он был удостоен многих наград и премий в Китае и в России, в том числе Ордена дружбы в 1997 году за большой личный вклад в укрепление и развитие российско-китайских культурных связей, являясь почётным доктором Института Дальнего Востока РАН.

Кроме вышеупомянутых Цао Цзинхуа и Гао Мана, в 1950-е годы работали такие известные переводчики, как Цзинь Жэнь (переводчик «Тихого Дона» М. Шолохова и др.), Е Шуйфу (переводчик М. Шолохова, В. Катаева, М. Лермонтова, Л. Толстого) и многие другие.

Как нам кажется, даже статистика позволяет судить о той интенсивной переводческой, издательской, читательской и аналитической работе, которая шла в китайском обществе в 1950-х–1960-х годах по отношению к русской литературе. С октября 1949 по декабрь 1958 количество переведённых русских и советских произведений в Китае, без учёта произведений, напечатанных в журналах и газетах, достигло 3526, их тираж превышал 82 млн экземпляров, что составило приблизительно две трети всех переводов и три четверти тиража всей иностранной литературы этого периода [Чэнь Цзяньхуа 1998: 159]. Правительство КНР выделило большие средства для подготовки китайских русистов. Были созданы институты

⁵⁰ 高莽。 圣山行—寻找诗人普希金的足迹 [Гао Ман. Дорога в Святогорск: по следам поэта А.С. Пушкина]. Пекин, 2004.

русского языка в Пекине, Шанхае, Харбине, Шэньяне, Даляне и Чунцине, а во многих университетах открыты факультеты русского языка.

Принято считать, что значительное влияние советской литературы в 1950-е годы в Китае во многом было обусловлено той идеологической ролью, которую литература играла в китайском обществе тех лет и, соответственно, её политизированностью — по данным Чэнь Наньсяня, доля переводов советской литературы в то время составляла 90% от общего количества переводов всей российской литературы [Чэнь Наньсянь 2004: 40]. Следует отметить, однако, что поддержку государства получили масштабные проекты по изданию переводов не только советской, но и российской классики. Ещё в 1952 г. в Китае вышло собрание сочинений Чехова в 25 томах, и за последние десятилетия Чехов стал одним из самых популярных зарубежных писателей в Китае. В среде китайской интеллигенции рецепция отечественной литературы тоже никогда не ограничивалась только литературой советской. Это видно по тому, какой большой резонанс в среде китайской интеллигенции вызвало празднование 150-летия со дня рождения Пушкина в 1949 году. Юбилейные торжества прошли в разных городах, в том числе и в Шанхае, где ещё в 1937 году состоялось открытие памятника русскому поэту в годовщину его смерти. Поэт Кэ Чжунпин (1902–1964) откликнулся на него несколькими стихотворениями, в том числе «Пою гений народа Пушкина» [В поисках...332–333]. Посвятил стихи гению русской поэзии и Ай Цин («Площадь Пушкина», [Шнейдер 1977: 60]).

Наиболее благоприятный и плодотворный период с точки зрения публикации переводов русской литературы продлился с 1949 г. до 1958 г., т.е. до той поры, когда в КНР началось осуществление политики «Большого скачка». До середины 1960-х издание переводов и критики ещё продолжалось, хотя и не так интенсивно. В период «культурной революции» (1966–1976) на фоне резкого ухудшения двусторонних отношений наиболее известные представители русской культуры были подвергнуты в Китае яростной критике и названы «буржуазными», а книги их уничтожались хунвэйбинами. Произведения Маяковского, Фадеева, Шолохова и др. были изъяты из всех личных и государственных библиотек и сожжены. Китайской русистике был нанесён серьёзный урон, многие переводчики были репрессированы как «классовые враги». По словам Дун Сяо, в те годы в Китае «вся иностранная литература пережила злоключения, но такой острой критики не было адресовано литературе ни одной другой страны. Испытания, выпавшие в то время на долю русской и советской литературы, редко встречаются в истории литературных связей, а подобное третирование литературы одного государства в другой стране стало небывалым культурным явлением» [Дун Сяо 2021: 372].

Во время «культурной революции» китайская пресса изобиловала ругательными статьями против всех советских писателей и особенно против М. Шолохова. 22.10.1967 газета «Жэньминь жибао» отдала всю 5-ю страницу под «разоблачение контрреволюционного обличья Шолохова». Ро-

ман «Тихий Дон» и рассказ «Судьба человека» Шолохова были названы в «Жэньминь жибао» «ядовитыми травами советского ревизионизма», их переводчик Цао Ин 草嬰 (1923–2015) был подвергнут жестоким издевательствам⁵¹.

Возможно, поэтому после окончания «культурной революции» маятник качнулся в другую сторону – 1980-е и 1990-е годы стали важным периодом китайского шолоховедения. В это время состоялись пять всекитайских конференций по изучению творчества Шолохова, в 1995 г. переиздан перевод «Собрания сочинений Шолохова» в 8 томах, полностью идентичный российскому восьмитомному изданию. В период с 1982 по 2014 год университетскими издательствами КНР издано как минимум 11 монографий о Шолохове [Чэнь Вэнь 2023: 118–120]. Наибольший интерес у исследователей вызвали трагический образ Григория Мелехова в романе «Тихий Дон», а также функции юмора и символика пейзажа в произведениях Шолохова. Вообще, «Тихий Дон» переводился в Китае семь раз (1931–1990), правда, первый раз – с немецкого, второй – с английского; шесть раз переводилась «Поднятая целина» (1936–1984), пять раз – «Судьба человека» (1957–1992) [Се Бо 1997: 5].

После 1979 г., в связи с политикой открытости и экономических реформ широко распахнулись двери для восприятия зарубежной культуры и всевозможного творческого экспериментирования. Стремление преодолеть царивший ранее нигилизм по отношению к мировому художественному наследию привело к переизданию огромного количества переводов, в том числе русской и советской литературы. Количество переводной советской и западной литературы в отдельные годы по объёму превосходило собственно китайскую.

Знаковым событием для Китая стал перевод в 1978 г. повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» (1969) и знакомство китайцев с экранизацией С. Ростоккого, состоявшееся в начале 1980-х. Фильм имел сенсационный успех в Китае. В 2005 году в Китае был снят 19-серийный сериал по повести (режиссёр Мао Вэйнин). Во время показа сериала по Центральному телевидению Китая (ССТV) его посмотрело более 400 млн человек.

Отметим также рост интереса в первой половине 1980-х годов к советской и российской драматургии преимущественно сатирического характера (в частности, к пьесам А. Вампилова, А. Арбузова, Л. Зорина, М. Шатрова и др.). В 1980 г. был издан первый сборник переводов Вампилова на китайский «Прощание в июне», куда вошли все семь пьес автора. В целом китайские критики практически единодушно воспринимают Вампилова как наследника, продолжателя и новаторского интерпретатора традиции русской классической драматургии, и прежде всего А. Чехова и Н. Гоголя [Гу Чжоуинь 2014]. В 1983 изданы «Избранные пьесы

⁵¹ Наибольшую известность Цао Ину принёс перевод на китайский язык полного собрания сочинений Льва Толстого, на который он потратил 20 лет (1977–1997).

А. Арбузова», куда вошла «Иркутская история» как одна из самых известных пьес драматурга. По пьесам советских авторов ставятся спектакли.

В 1980-х на литературной арене появляются писатели, чьё детство и юность пришлись на 1950-е и начало 1960-х, когда произведения русской и советской классики были чрезвычайно популярны в Китае. Многие из них обнаруживают хорошее знакомство с русской и советской классикой. Так, современный писатель и художник Фэн Цицай 冯骥才 (р. 1942) отмечал, что первыми прочитанными им иностранными произведениями были русские книги – рассказы Тургенева и «Повести Белкина» Пушкина. «За ними последовали творения Гоголя, Лермонтова, Льва Толстого, Чехова, Куприна, Алексея Толстого и много, много других» [Современная китайская проза: 8]. «Именно с Тургенева началась моя любовь к русской литературе и моя любовь к литературе мировой», – напишет Фэн Цицай позже [Фэн Цицай 2003: 104]. Особое отношение у Фэн Цицай в Чехову. Посетив во время визита в Россию могилу Чехова, Фэн Цицай написал об этом эссе: «Среди русских писателей самое сильное влияние оказал на меня Чехов. Я поражён его характерными блистательными короткими фразами, его такими удивительными, всё разъясняющими деталями, крупными его драгоценными метафорами; ещё более поражён его чувствами и настроениями, чутким пониманием, его добротой и безграничной грустью» [Фэн Цицай 2003: 120].

Другой известный писатель, Ван Мэн 王蒙 (р. 1934) подчеркивал влияние романа «Молодая гвардия» А. Фадеева на своё творчество, особенно сильно проявившееся при создании романа «Да здравствует юность!» (青春万岁, 1979).

В настоящее время в работах китайских литературоведов анализируется влияние Солженицына на «тюремную прозу» Цун Вэйси 丛维熙 (1933–2019) и Чжан Сяньляна 张贤亮 (1936–2014); влияние Ч. Айтматова и Астафьева на «литературу поиска корней» (в частности, повести «Царь-рыба» В. П. Астафьева на Мо Яня 莫言 (р. 1955) и произведений Ч. Айтматова на Чжан Чэнчжи 张承志 (р. 1948). Китайские литературоведы признают и влияние Айтматова и на других современных китайских писателей, таких как Ван Мэн, Чжан Сяньлян и Лу Яо.

Однако с конца 1980-х и особенно в 1990-х годах происходит снижение популярности русской и советской литературы. Причин тому несколько. Во-первых, китайская интеллигенция переживает период страстного увлечения западной литературой, влияние которой на творчество китайских писателей-авангардистов бесспорно. Китай наводнили переводы Джойса, Пруста, Камю, Сартра, Хемингуэя, Кафки, Маркеса, Фолкнера, Романа Роллана, Андре Жида, Борхеса и других авторов. Китайская литература вступает в эпоху экспериментов.

Профессор Нанкинского университета Дун Сяо в своей статье с говорящим названием «Изменчивое признание и исчезновение авторитета: о судьбе русской и советской литературы в Китае» писал, что русская литература стала «духовным ресурсом для нескольких поколений китайских

писателей». Говоря об охлаждении к русской литературе в Китае с середины 1980-х, он отметил, что отношение к русской и советской литературе в Китае сегодня напрямую связано с прежним фанатичным и «крайне экзальтированным» её превознесением [Дун Сяо 2020: 318–319]. С его точки зрения, есть некая историческая неизбежность в переходе от фанатичного поклонения китайцев русской литературе к ненормальному равнодушию, это «контратака на тот аномальный бум преклонения перед русской литературой, который случился в Китае в 1950–1960-е годы» [Дун Сяо 2020: 318].

Во-вторых, изменилась социокультурная ситуация в Китае, в частности, изменился характер читательской аудитории, снизился удельный вес литературы в культурной жизни страны, произошла демонополизация издателя, свои правила диктует рынок. Определенную роль сыграл и фактор распада Советского Союза. В целом 1990-е и 2000-е годы – период значительного преобладания западной литературы в книжных магазинах Китая.

Едва ли не единственное, что оставалось в тот момент стабильным в российско-китайских литературных связях – путевые впечатления китайских писателей и переводчиков художественной литературы о поездках в Россию, широко представленные в очерковой литературе. Это сборник «Берёзовые рощи России» (俄罗斯的白桦林, 1997), «Вспоминая среди портретов и переводов» (画译中的纪念) маститого переводчика-руссиста Гао Мана (1997), «Вслушиваюсь в Россию» (2003) писателя и художника Фэн Цицая и другие произведения. В книге «Вслушиваюсь в Россию» (倾听俄罗斯, 2003), созданной по материалам поездки Фэн Цицая в Россию в 2001 г., значительное место уделено русской литературе, отдельные очерки посвящены Фету, Пушкину, Жуковскому, Л. Толстому, Гоголю, Достоевскому, Тургеневу и Чехову [Фэн Цицай 2003].

Подводя итоги, отметим характерные черты распространения русской литературы в Китае. Уже к началу 1950-х годов сформировалась устойчивая группа русских писателей и поэтов, особенно популярных в Китае. В неё вошли Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Тургенев, Л. Толстой, Достоевский, Гоголь, Чехов, Горький, Шолохов. Особняком стоят «Как закалялась сталь» Н. Островского. Хорошо известны Некрасов, Есенин, Блок и Паустовский.

Несмотря на все политические перипетии, устойчивость этого «пула» оказалась незыблемой и с середины 1960-х годов до конца 1990-х не претерпела существенных изменений, если не считать того, что к числу самых популярных произведений добавилась повесть «А зори здесь тихие» Б. Васильева. Тем не менее, есть в китайской рецепции русской классики и свои особенности, которые свидетельствуют о том, что эта рецепция не идёт в фарватере отечественного восприятия русской литературы. Так, например, самым популярным произведением Достоевского в Китае является роман «Братья Карамазовы», а Тургенева – повесть «Вешние воды».

XXI век

Выше мы говорили в основном об истории перевода и критики произведений русской литературы. Однако рецепция любой иностранной литературы подразумевает существование различных аспектов: помимо художественного перевода и знакомства читателей с переведёнными произведениями и ознакомительными статьями о творчестве их авторов, есть включение произведений зарубежной литературы в школьную программу, глубинная рефлексия на уровне взаимовлияние литератур.

С начала XXI века восприятие русской литературы в Китае концентрируется прежде всего в литературоведческой среде. Вырос в КНР интерес к русской поэзии «Серебряного века». Феномен «Серебряного века» китайскими литературоведами рассматривается как пример возникновения новой культуры после столкновения двух неоднородных культур (традиционной русской и западноевропейской). Китайские литературоведы публикуют исследования и переводы поэзии А. Ремизова, В. Брюсова, Н. Гумилева, М. Цветаевой, А. Ахматовой. В целом вектор исследовательского интереса сместился с политического ракурса на эстетический. Это особенно ярко проявилось в работах исследователей о Маяковском: при том, что к 2018 году в Китае опубликовано 54 монографии о поэте и более 600 статей, в 2010-х годах он в основном рассматривался уже не как «глашатай революции», а как представитель русского футуризма.

Множество исследований китайских литературоведов посвящено и литературе русской эмиграции, например, поэзии В. Перелешина (1913–1992), который более тридцати лет провёл в Китае. Знаковым событием стала публикация в 2002 г. под руководством профессора Ли Яньлина «Серии литературы русской эмиграции в Китае» в пяти томах [Ли Яньлин 2002], в которую вошли произведения 24 прозаиков и 71 поэта. За выдающийся вклад в исследование русской литературы Президент РФ Владимир Путин во время нахождения с государственным визитом в Китае в октябре 2004 года вручил Ли Яньлину орден Дружбы.

Другой заметной тенденцией является всплеск интереса к русской литературной теории и критике, прежде всего, к работам М. Бахтина и Ю. Лотмана. Собрание сочинений Бахтина в шести томах вышло в свет в Китае в 1998 г. и сыграло колоссальную роль в определении направлений развития теории литературы и искусства в Китае: «кроме литературоведов, к Бахтину начали обращаться философы, эстетики, лингвисты, специалисты в области педагогики, религиоведения, экономической теории. Наиболее наглядно это проявилось в том, что целый ряд крупнейших вузов Китая ввёл в свои учебные планы (прежде всего, на уровне докторантуры) дисциплины, предполагающие изучение научных идей Бахтина» [Лу Сяохэ 2019]. Это привело к стремительному росту количества научных монографий и статей, связанных с идеями Бахтина.

Комментируя вновь возросший интерес к Белинскому, доцент Фунданьского университета Ли Синьмэй отмечала: «С нового века китайская

научная общественность приступила к более глубокому осмыслению литературных теорий и направлений, проникших в Китай в XX в., отбирая то, что может быть полезным для разработки литературной теории в КНР» [Ли Синьмэй 2024: 58]. Согласно данным с сайта CNKI (база данных китайских научных статей и диссертаций) за период с 2000 по 2023 г. китайское академическое сообщество опубликовало почти 60 статей, посвящённых изучению литературной критике Белинского [Ли Синьмэй 2024: 58]. В 2022 г. Китайский государственный фонд социальных наук одобрил китайским русистам грант на осуществление масштабного проекта «Перевод и изучение полного собрания сочинений Белинского». Реализация первого этапа включает в себя перевод «Полного собрания сочинений Белинского» в 13 томах, изданного АН СССР в 1953–1959 гг. Вторая часть проекта предполагает подготовку монографии под названием «Литературно-художественная концепция Белинского» [Ли Синьмэй 2024: 61–62]. По утверждению руководителя проекта, «идеи Белинского о социальной миссии литературного творчества, национальной специфике, единстве индивидуальности творчества и духа эпох имеют особую значимость для Китая» [Ли Синьмэй 2024: 62].

Важную роль играют также работы литературоведов, в которых анализируются сюжеты, жанры, образы русской литературы и даётся интерпретация текстов. В целом в настоящее время в Китае сложилась благоприятная ситуация с переводчиками и литературоведами-русистами, что является большим потенциалом для продвижения дальнейшего перевода русской литературы. В Институте иностранных литератур Академии общественных наук Китая (АОН КНР) есть специальный Отдел русской литературы, который был создан вскоре после образования КНР и является одним из старейших в АОН КНР [Лю Вэньфэй 2004]. Свои серьёзные школы специалистов по русской литературе существуют в Пекинском, Хэйлунцзянском, Нанкинском и других университетах. Научные и вузовские центры по изучению русской литературы в Китае ведут колоссальную работу, значение которой для российско-китайских культурных связей огромно. Представляется, что для дальнейшего укрепления этих связей было бы желательно упрочить научные контакты между экспертами двух стран, увеличить масштабы совместных научных проектов и стажировок.

Продолжается переводческая работа. Говоря о переводах современной русской литературы в Китае, нельзя не отметить явление переводной множественности (публикации разных версий переводов), что, во-первых, представляет интерес для специалистов в области переводоведения, а во-вторых, свидетельствует о неугасающем интересе читательской аудитории к творчеству отдельных авторов и, соответственно, борьбе издательств за читателя.

По количеству изданий переводов современных русских писателей лидирует А. Солженицын. С 1988 г. по настоящее время издано 26 изданий переводных произведений писателя, причём «Один день Ивана Дени-

совича» имеет пять переводных версий, «Архипелаг ГУЛАГ» и «Раковый корпус» – по две. [Ли Синьмэй 2023: 377–378]. Кроме того, с 1984 г. переведено 10 книг Ю. Бондарева, среди них «Игра» вышла в пяти вариантах перевода, «Берег» – в двух. На китайском языке издано 7 книг Д. Гранина, среди которых «Картина» имеет две переводные версии. Переведены пять книг В. Астафьева, среди которых в двух переводах вышли «Царь-рыба», «Пастух и пастушка» и «Печальный детектив»; а также пять произведений В. Распутина («Живи и помни» имеет две версии перевода). Другие авторы, многократно издаваемые в Китае с конца 1990-х – автор детективов Н. Леонов (16 книг) и С. Лукьяненко, работающий в жанре научной фантастики (8 книг). [Ли Синьмэй 2023: 377–381].

Большими тиражами выходит также переводная детская литература: «Лесная газета» В. Бианки, басни И. Крылова, «Алые паруса» А. Грина, рассказы М. Пришвина и др. Известный в настоящее время писатель-анималист монгольского происхождения Хэй Хэ 黑鹤 (наст. имя Гэрэл-Чимэг Хэй Хэ, р. 1975) отмечал влияние Бианки, Пришвина и Паустовского на его прозу⁵².

Другой отличительной чертой является ориентация китайских издателей на авторов, получивших литературные премии («Русский Букер», «Большая книга», премия Александра Солженицына, «Ясная Поляна»). Следует отметить издательство «Народная литература», учредившее премию «Лучший зарубежный роман XXI века», которая ежегодно вручается в КНР с 2002 г. Этой премии удостоены одиннадцать произведений современной русской литературы, в том числе «Замыслил я побег...» Ю. Полякова (2002), «Господин Гексоген» А. Проханова (2003), «Дочь Ивана, мать Ивана» В. Распутина (2004) и др.

Большой пласт произведений русской литературы включён в школьную программу в Китае. На наш взгляд, это исключительно важная вещь, поскольку формирует установки рецепции, благодаря школьной программе складывается представление о русской литературе и во многом о России в целом. Конкретный перечень произведений может варьировать в зависимости от издательства, но в целом в начальной школе (1–6 классы) китайские дети знакомятся с рассказами В.А. Осеевой, В.А. Сухомлинского, М.М. Пришвина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Тургенева, В.В. Бианки, В.Ю. Драгунского. Ученики средней школы читают стихи С.А. Есенина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, изучают произведения М. Горького и др. В старших классах китайские школьники проходят произведения А.П. Чехова, М.А. Шолохова и А.С. Пушкина [Ли Линьинь и др. 2017: 123–124; 126]. Примечателен, однако, тот факт, что в китайскую школьную программу принципиально не включают «ника-

⁵² Его роман «Сяо Хань – Маленький лось» (2018, русский перевод 2022), продолжающий традиции Э. Сетон-Томпсона и В. Бианки, в 2020 г. вошел в Почетный список книг, рекомендованных Международным советом по детской книге (IBBY).

ких психотравмирующих произведений (не принято изучать, например, «Тараса Бульбу» или «Преступление и наказание»)» [Ли Линьинь и др. 2017: 125], что несколько сужает объективность восприятия русской литературы и в какой-то степени искажает общую картину, формирующуюся у китайского школьника, но парадоксальным образом формирует положительный имидж русской литературы.

Несмотря на то, что русская литература утратила лидирующую позицию в мире переводной литературы Китая и в XXI в. перестала быть образцом для подражания, узнаваемость произведений отечественных авторов способствует стабильной заинтересованности книгоиздателей в их переиздании.

Представляется, что популяризации и распространению русской литературы немало способствовали бы визуальные виды искусства. Литературные экранизации и театральные постановки (в том числе совместные), виртуальные экскурсии по литературным музеям на китайском языке. Отдельное внимание хотелось бы уделить поддержке отечественных литературных музеев. Поскольку в большинстве своём они находятся в домах-квартирах, очевидно, что поток туристов, их посещающий, не сопоставим, скажем, с потоком в Третьяковскую галерею или Эрмитаж, поэтому экономически нецелесообразно держать там штат гидов с китайским языком. Но тем не менее, такой социальный запрос есть со стороны малых групп и индивидуальных туристов из КНР. В существующие маршруты групп уже включались визиты в Музей-усадьбу Толстого «Хамовники». На наш взгляд, было бы весьма полезно оказать поддержку и профинансировать перевод материалов, аудиогидов и сайтов для таких музеев.

История российско-китайских литературных связей в XX веке во многом находилась в прямой зависимости от взаимоотношений между двумя странами и внутренних социально-политических процессов в Китае. В настоящее время на этот процесс серьёзное влияние оказывает рынок книгоиздания и выход литературы в цифровое пространство.

Однако рецепция иностранной литературы в любой стране подвержена влиянию различных факторов – политических, культурных, профессиональных и других. Интеллектуальная и творческая элита Китая оказывала и оказывает влияние на распространение и восприятие китайским обществом русской литературы, поскольку профессиональное сообщество переводчиков и исследователей-русистов задаёт художественно-эстетическую систему координат. Судя по результатам интернет-опросов, «сюжеты и названия произведений классической литературы и имена писателей продолжают оставаться ядром образа России в общественном сознании китайцев» [Долгачев, Нестерова 2021.: 212]. Если нам важно, каким будет этот образ, нужно искать новые способы взаимодействия в межкультурном диалоге России и Китая с целью как можно более глубокой рецепции русской литературы в Китае и укрепления литературных связей двух стран.

Список литературы

Гао Ман 2000. Ба Цзинь и русская литература // *Проблемы Дальнего Востока*, 2000, №5, С. 147–155.

Ван Цзунху 2018. Рецепция В. В. Маяковского в Китае. — *Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве: мат. междунар. науч. конференции, посвященной 125-летию со дня рождения поэта (г. Москва, 18–20 сентября 2018 г.)*. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 559 с.

В поисках звезды заветной. Китайская поэзия первой половины XX века. — М., Худ. лит., 1988.

Вэнь Чэнь 2022. Рецепция творчества М.А. Шолохова в Китае военных лет (1931–1945 гг.). — *Мир Шолохова*, № 2(18), 2022.

Долгачев Ф. Л., Нестерова О. А. 2021. Рецепция российской художественной литературы в современном цифровом пространстве КНР. — *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 23, № 3. С. 199–214.

Дун Сяо. 2020. Изменчивое признание и исчезновение авторитета: о судьбе русской и советской литературы в Китае. — *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2020. Т. 12. Вып. 3. С. 316–331.

Дун Сяо. 2021. Отношение к русской и советской литературе в Китае в годы «культурной революции». — *Проблемы литератур Дальнего Востока: Труды IX международной научной конференции, Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 года*. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. — С. 371–381.

Ипатова А. С. 2017. Цао Цзинхуа — переводчик, писатель, педагог и общественный деятель. К 120-летию со дня рождения (1897–1987). — *Проблемы Дальнего Востока*. — 2017. № 4. — С. 150–157.

Куликова Г. В. 2016. «Моя неразрывная связь с Россией» (К 90-летию со дня рождения Гао Мана). — *Проблемы Дальнего Востока*. — 2016. — № 6. — С. 153–161.

Ли Линьинь, Маркасова Е., Чжан Жухань, Цао Юйтин. 2017. Русская литература в школьной программе КНР. — *Детские чтения*. 2017. Т. 11, № 1. С. 119–132.

Ли Лянь-шу. 2005. Влияние Чехова на китайских писателей. — *Чехов и мировая литература / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького*. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — Кн. 3. — С. 52–78. (Лит. наследство; Т. 100). — URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/ml3/ml3-052-.htm>

Ли Синьмэй. 2023. Перевод и распространение современной русской литературы в Китае: достижения, проблемы и рекомендации. — *Проблемы литератур Дальнего Востока: труды X международной научной конференции / отв. ред. А. А. Родионов*. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. С. 376–401.

Ли Синьмэй. 2024. Перевод и исследование трудов Белинского в Китае. — *Человек и культура Востока. Исследования и переводы*. — 2024. — Т. 1, № 12. С. 50–69.

Лю Вэньфэй. 2004. Перевод и изучение русской литературы в Китае. / *НЛО* 2004, № 5 Перевод и изучение русской литературы в Китае – Журнальный зал

Лю Сяохэ. 2019. Издание собрания сочинений М.М. Бахтина на китайском языке (К истории развития бахтиноведения в Китае). – *Бахтинский вестник*. – 2019. – № 1(1).

Лю Чао, Кузьмишева Н. М. 2024. Деконструкция сатирической пьесы В. Маяковского «Клоп» в романтически-утопическом и постмодернистском вариантах в китайской рецепции. – *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 291–299.

Никольская Л.А. 2006. Цао Юй. – *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т.* / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006—. [Т. 3:] Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2008. С. 496–497.

Петров В. В. 1960а. О творчестве Цао Юя. – *Цао Юй. Пьесы*. Т. 2. – М., 1960.

Петров В.В. 1960б. Лу Синь: очерк жизни и творчества. – М.: Гослитиздат, 1960. –383 с.

Рифтин Б.Л. 2011. «Мертвые души» Гоголя в китайских переводах. – *Восток-Запад: диалог цивилизаций. Историко-культурный альманах: 2009–2010* / под ред. В.С. Мясникова; Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Вост. лит., 2011. С. 223–248.

Се Бо. 1997. Творчество М. А. Шолохова в Китае: 30–90-е годы: автореферат дис. ... канд. филологических наук: 10.01.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1997. – 24 с.

Серебряков Е. А. 2005. [Чехов в Китае]: Обзор. – *Чехов и мировая литература* / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – Кн. 3. – С. 5–51. (Лит. наследство; Т. 100).

Серебряков Е.А. 1999. Жизненный и творческий путь профессора Цао Цзинхуа (1897–1987), видного литературного деятеля Китая, крупнейшего знатока и переводчика русской литературы, почетного доктора Санкт-Петербургского университета. – *Взаимовлияние литератур Европы и Азии и проблемы перевода. К 100-летию со дня рождения Цао Цзинхуа, видного деятеля китайской литературы, почетного доктора Санкт-Петербургского университета. Сб. статей*. – СПб, 1999. – С. 3–106.

Современная китайская проза: Ван Мэн, Шэнь Жун, Фэн Цицзай. Пер. с кит. / Сост. В. Сорокина. Предисл. Л. Эйдлина. – М.: Известия, 1984. (Б-ка журнала «Иностранная литература»).

Сорокин В.Ф. 2008. Новая литература (1917–1949) / *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т.* / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006—. [Т. 3:] Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2008. С. 152–166.

Цао Чжундэ, Ду Минцзин. 2014. Строители литературного моста – о популяризации русской и советской литературы в Китае / *Проблемы Дальнего Востока*. –2014. № 3. С. 153–159.

Черкасский Л. Е. 1976. *Маяковский в Китае*. АН СССР. Институт востоковедения. — М.: Наука, 1976. — 224 с.

Черкасский Л.Е. 1988. Вставай, поэт! // В поисках звезды заветной. Китайская поэзия первой половины XX века. —М., Худ. лит., 1988.

Чэнь Вэнь. 2023. Исследование творчества М. Шолохова в Китае: тенденции, проблемы. — *Вестник Костромского государственного университета*. — 2023. — Т. 29, № 2. — С. 115–121.

Шнейдер М.Е. 1977. Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творческое освоение. АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1977. — 272 с.

陈南先. 俄苏联文学与十七年中国文学, 苏州大学: 博士学位论文. 2004 [Чэнь Наньсянь. 2004. Русская и советская литература и китайская литература «семнадцати лет». *Университет Сучжоу: дисс. ..доктора филол. н. 2004*].

陈建华. 20世纪中俄文学关系, 上海: 学林出版社, 1998 [Чэнь Цзяньхуа. 1998. *Литературные связи Китая и России в XX веке* —Шанхай: Изд-во Сюэлинь, 1998].

冯骥才. 倾听俄罗斯 — 北京: 人民出版社 [Фэн Цзицай. 2003. *Вслушиваясь в Россию*]. —Пекин, 2003.

顾宙寅: 万比洛夫戏剧在新时期中国的接受与影响—《剧作家》[Гу Чжоуинь. 2014. Восприятие и влияние пьес Вампилова в Китае в новый период. — *Драматург*] 2014, № 1. С. 95–102. — http://www.123renren.net/article/9427bb7b-6d00-4fa5-975a-6654c23fb543_5.htm

李延龄, 中国俄罗斯侨民文学丛书 (中文版 5 卷本), 哈尔滨, 北方文艺出版社, [Ли Яньлин. 2002. *Литература русской эмиграции в Китае: в 5 т.* —Харбин: Северное издательство литературы и искусства], 2002.

KOROBOVA Anastasia Nicolaeвна, Head of the Center of China Cultural studies, Leading Researcher at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE PERCEPTION OF RUSSIAN LITERATURE IN CHINA IN THE 21ST CENTURY

Abstract. *This article examines the history of the reception of Russian literature in China, which spans just over a century.*

Interest in Russian literature in the early 20th century was largely driven by political factors. People associated with the Communist Party of China or those who studied in the Soviet Union played a significant role in popularizing Russian literature. However, interest in specific writers and poets or individual works was often inspired by significant figures in Chinese society and was largely determined by their personal preferences, beliefs, and aesthetic values.

The article notes the characteristic features of the spread of Russian literature in China. By the early 1950s, a stable group of Russian writers and poets, particularly popular in China, was formed.

This group included Pushkin, Lermontov, Mayakovsky, Turgenev, Leo Tolstoy, Dostoevsky, Gogol, Chekhov, Gorky, Sholokhov, and N. Ostrovsky's novel "How the Steel Was Tempered". Despite all the political upheavals, the stability of this "pool" has remained unshakable and has not undergone significant changes.

Since the beginning of the 21st century, the perception of Russian literature in China has been concentrated primarily within literary scholars. Although Russian literature has lost its leading position in the world translated literature in China and has ceased to be a role model in the 21st century, the recognition of works by Russian authors has contributed to the continued interest of publishers in reprinting them.

Keywords: Russian literature in China, Chekhov, Gorky, Sholokhov.

ДОНЧЕНКО Анна Ильинична – научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН (117997, Нахимовский пр., 32, Москва; an.donchenko@yandex.ru)

10.56700/2071-5366.2025.87.35.010

ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ КИТАЯ

Аннотация. В современную эпоху глобализации, характеризующуюся высокой степенью взаимозависимости, ключевым измерением международных отношений становится конкуренция не только за экономическое и политическое лидерство, но и за доминирование в сфере смыслов и ценностей. Глобальный нарратив, понимаемый как масштабная интерпретационная схема, предлагающая определённое видение прошлого, настоящего и будущего мира, превратился в стратегический ресурс влияния. На фоне этой конкурентной борьбы нарративов Китай последовательно укрепляет свои позиции, стремясь сформировать культурный ландшафт XXI века в соответствии со своими национальными интересами и идеологическими установками.

В системе современных международных отношений традиционное искусство перестало быть исключительно объектом эстетического восприятия или достоянием национальной культуры. Оно трансформировалось в значимый политический и дипломатический ресурс, выполняющий ряд стратегических функций в диалоге между государствами. Его роль эволюционировала от эпизодического культурного обмена до системного инструмента формирования позитивного имиджа страны и продвижения национальных нарративов на мировой арене.

В данной статье автор рассматривает использование традиционной китайской живописи как инструмента культурной дипломатии Китая.